

М.И. Семевский

Семейство Монсов. 1688-1724

Очерк из русской истории

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.И. Семевский**
Семейство Монсов. 1688-1724: Очерк из русской истории / М.И. Семевский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 202 с.

ISBN 978-5-458-01699-5

ISBN 978-5-458-01699-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

прежнюю страстью ; онъ тотчасъ по приѣздѣ посѣтилъ имъку Монсъ...» (1)

Но любовь любовью, а дѣло дѣломъ. Ночь проведена была въ деревянномъ домикѣ въ Преображенскомъ. (2) На слѣдующіе же дни Петръ успѣшилъ принять всѣхъ и каждого въ комъ только имѣлъ нужду ; впрочемъ ни изъ его разговоровъ, ни изъ его поступковъ нельзя еще было замѣтить какіе уроки вынесены государемъ изъ его поѣздки, какія важныя нововведенія должна ждать отъ него Россія. Въ первые дни онъ только и дѣлалъ, что хваталъ своихъ бояръ за бороды и ловко ихъ отхватывалъ ножницами, «это были первые — восклицаетъ г. Устряловъ — и самые трудные шаги къ перерожденію Россіи!» Затѣмъ изъ впечатлѣній, вынесенныхъ царемъ изъ за границы, стриженные сановники слышали похвалы венеціанскому послу. Петръ очень хвалилъ его за вкусныя блюда и вкуснѣйшіе напитки. Кромѣ посла-гастронома изъ заграничныхъ знакомыхъ Петръ очень сблизился съ королемъ польскимъ. Четырехдневныя попойки и виршества (на обратномъ пути къ Москвѣ) до такой степени сдружили Петра I съ Августомъ II, что они обмѣнялись кафтанами. «Я люблю Августа, говорилъ царь боярамъ, щеголяя предъ ними въ платьѣ новаго пріятеля, люблю его больше всѣхъ васъ ; люблю не потому, что онъ польскій король, а потому что мнѣ нравится его личность.»

Такъ говорилъ Петръ въ бесѣдахъ съ сподвижниками и слугами ; но заявляя предъ ними пріязнь къ Августу, онъ спѣшилъ однако отпраздновать радость встрѣчи съ московскими друзьями. Устроить пиръ самый роскошный и разгульный было дѣломъ веселаго Лефорта. 2 сентября къ нему собралось до 500 человекъ гостей ; на пирушку, по указу царя, были созваны всѣ нѣмецкія дамы, находившіяся въ Москвѣ. Разумѣется смѣло можно предположить, что не забыли пригласить и Анну Монсъ, настоящую *царицу* празднества. Задравные тосты, клики пирующихъ, музыка, пальба изъ 25 орудій, залпами встрѣчали каждый тостъ, и самая горячая пляска не переставала до поздняго утра... Но оставимъ танцующихъ, поищемъ государя... Вотъ онъ сидитъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма за бутылками и ковшами ; Петръ окружонъ друзьями и слугами, шумна бесѣда «кумпанія» ; хмѣль развязалъ языки, и генералисимусъ, бояринъ Шейнъ, неосторожно пробалты-

(1) Guarient. Депеши его къ имп. Леопольду I, 1698 г. въ X приложеніи ист. Петра. соч. Устрялова. Т. III. стр. 621.

(2) Преображенское лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, за сокольничьимъ полемъ, въ 7 верстахъ отъ Кремля. Нынѣ 2-ой кварталъ покровской части.

вается о разныхъ производствахъ и отличіяхъ, за деньги и въ бодьшомъ числѣ сдѣланныхъ имъ въ своемъ отрядѣ. Царь вспыхиваетъ. Выскочивъ изъ за стола, онъ спрашиваетъ о слышанномъ солдатъ, стоявшихъ на караулѣ... Отвѣты солдатъ увеличиваютъ его негодование; съ страшнымъ гнѣвомъ государь выхватываетъ шпагу и бьетъ ею по столу: «какъ колочу я теперь по столу, кричатъ Петръ, такъ разобью я весь твой отрядъ, а съ тебя, генералисимусъ, сдеру шкуру!»

Еслибы можно было перевестись въ это общество, созданное по указу царя веселить его и самимъ веселиться, еслибы можно было взглянуть на лица разстанцовавшихся нѣмокъ-красавицъ и нѣмцевъ-кукуйцевъ, мы бы увидѣли какой испугъ овладѣлъ ими при звукахъ громоваго голоса Петра; какой ужасъ оледѣнилъ общее веселье, когда увидѣли зловѣщіе размахи сабли въ рукахъ гнѣвнаго властелина. Генералисимусу грозила явная опасность; одинъ мигъ и — если не шкура, то голова его легко могло бы скатиться подъ столъ; Петръ, какъ мы уже знаемъ, былъ вообще недоволенъ послѣдними распоряженіями Шейна относительно стрѣльцовъ... Князь-кесарь Ромодановскій и князь-папа Этовъ дерзнули удерживать государя. Тотъ не унимался; нѣсколько разъ хватилъ по головѣ князь-папу, и на половицу отрубилъ пальцы князь-кесарю; два удара, направленные въ Шейна, пали на Лефорта, удары были чувствительны, но несмертельны... «Всѣ, такъ повѣствуетъ очевидецъ, были въ величайшемъ страхѣ»; ⁽¹⁾ каждый изъ русскихъ страшился попасть на глаза государю, да едва ли были храбрѣе нѣмцы и нѣмки, особенно послѣднія. Анна Ивановна (если только она была на балѣ) не дерзнула смягчить гнѣвъ властелина: за это опасное дѣло взялся молодой фаворитъ ⁽²⁾ и взялся успѣшно (*dilato haud dubie in aliud tempus furore*): голова Шейна, а также остальные пальцы его неудачнаго защитника Ромодановскаго остались цѣлы. Въ молодомъ фаворитѣ мы узнаемъ Алексашку; того самаго Алексашку, который нѣсколько недѣль спустя заявилъ особенную ловкость въ отрубаніи стрѣleckихъ головъ... ⁽³⁾ Этотъ фаворитъ, укрощающій гнѣвъ самодержца, этотъ юноша-палачъ съ выразительнымъ личикомъ и огненными глазами, — знаменитый Меньшиковъ...

⁽¹⁾ Guarient. 622, 625, 626. *Партовъ*, если не очевидецъ, то современникъ Петра, передаетъ подробности пира довольно сходно съ рассказомъ Guarient. Смолр. въ Москвит. 1842 г. № 4 стр. 458—460.

⁽²⁾ Слова: «der junge Favorit aber» Guarient пишетъ цифирью.

⁽³⁾ Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 году. «Отеч. Зап.» 1861 г. № 5 стр. 120.

Въ то время , когда пируетъ и изволитъ гнѣваться его царское величество , когда безвѣстная нѣмка съ бойкимъ фаворитомъ раздѣляютъ его вниманіе и ласки , что же дѣлаетъ злополучная , забытая царица ?

Извѣстно , что еще въ бытность свою въ чужихъ краяхъ Петръ приказывалъ довѣреннѣйшимъ изъ бояръ , убѣдить царицу «во свободѣ» удалиться въ монастырь ⁽¹⁾. Царица не соглашалась ; надо думать , что духовникъ и патріархъ , лица , на которыхъ собственно и легло щекотливое порученіе убѣждать Авдотью Оелоровну , дѣйствовали съ недостаточнымъ усердіемъ. Петръ взялся самъ за это дѣло и не далѣе какъ на шестой день по пріѣздѣ , четыре часа провелъ въ секретной бесѣдѣ съ женой. Видно *лаконическая* рѣчь Петра не могла склонить бѣдную женщину къ насильному постригу и къ вѣчной разлукѣ съ единственнымъ сыномъ ; по крайней мѣрѣ Петръ былъ очень гнѣвенъ и незамедлялъ вымѣстить гнѣвъ на духовныхъ совѣтникахъ царицы : въ теченіи двухъ часовъ патріархъ молилъ о помилованіи его за то , что онъ не исполнилъ царскаго указа запереть царицу въ монастырь ; оробѣвшій архипастырь винилъ бояръ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ , которые многими доводами не допустили его до этаго. Оправданіе патріарха еще больше разгнѣвало царя ; три духовныя лица были немедленно , по его указу , посажены въ преображенскія тюрьмы. Что же до патріарха , то онъ едва успѣлъ откупиться большими деньгами ⁽²⁾...

На другой день послѣ описаннаго нами бала приступлево къ рѣшительной мѣрѣ относительно царицы : любимѣйшая сестра Петра , царица Наталья , оторвала отъ матери ея родное дѣтище ; царевичъ Алексѣй отвезенъ былъ въ Преображенское. Мать строго допрашивали : почему ты не исполнила нѣсколько разъ присланныхъ изъ Амстердама повелѣній идти въ монастырь ? кто тебя отъ этого удерживалъ ? — Царица смиренно отвѣтила , что только долгъ матери дѣлалъ ее послушницей царскихъ повелѣній ; она не знала на кого оставить единственнаго сына. — «Затѣмъ , пишетъ Guagient , — ей оказали милость : дозволили выбрать одинъ изъ двухъ названныхъ монастырей для постриженія и оставили за ней право носить свѣтское платье. Царицу увезли въ Суздаль , въ Покровскій дѣвичій монастырь ⁽³⁾.

Что было причиною развода Петра съ женой ? — Извѣстно , что

⁽¹⁾ Царица Авдотья Лопухина. Очеркъ изъ Русской исторіи. «Русскій Вѣстникъ». 1859 г. № 9.

⁽²⁾ Guagient. с. 623.

⁽³⁾ Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздаль — мѣсто заточенія А. О. Лопухиной , ст. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. № 12.

г. Устряловъ оставилъ этотъ вопросъ, — вопросъ небезинтересный и довольно важный для характеристики Петра, перъшеннымъ. Почтенный историкъ довольно произвольно навязываетъ Петру сомнѣнія въ томъ, не была ли царица Авдотья въ заговорѣ съ Софьею; съ неменьшимъ же произволомъ онъ набрасываетъ на нее тѣнь подозрѣнья: не участвовала ли де она въ замыслахъ Соковнина; и за всѣмъ тѣмъ все-таки сознается, «что чѣмъ провинилась царица предъ мужемъ — остается тайной». Намъ кажется, что не зачѣмъ и доискиваться разъясненія этихъ тайнъ догадками объ участіи Авдотьи въ какихъ-то замыслахъ и заговорахъ; не только сочувствовать имъ, но даже и знать о нихъ — царица не могла. Не надо забывать, что она была матерью двухъ сыновей, пржитыхъ отъ своего «лапушки Петруши», не надо забывать, что она горячо любила мужа — о чемъ свидѣлствуютъ ея письма и ея ревность къ государю; малѣйшаго же участія царицы въ какихъ бы то ни было заговорахъ было бы достаточно для строгой казни; будь это участіе и Петръ не сталъ бы церемониться, тратить время на убѣжденія жены удалиться «въ свободѣ», на личныя объясненія съ нею, не сталъ бы и дѣлать ей послабленій даже и на первое время, какъ-то: разрѣшеніе носить свѣтское платье въ монастырѣ и проч. — Нѣтъ, натура Петра въ такихъ случаяхъ не сдерживалась ничѣмъ, никакими связями родства, никакими приличіями... доказательства этого всѣмъ извѣстны. И такъ не въ мнимомъ и ничѣмъ не доказанномъ сочувствіи царицы Авдотьи къ дѣлу противниковъ своего державнаго супруга, надо искать причину ея сѣдлки и заточенья: причина заключалась въ томъ, что Авдотья Федоровна ни мало не соответствовала идеалу Петра; они — не сошлись характерами. Мы представляемъ себѣ Авдотью Федоровну идеаломъ такъ называемыхъ *до петровскихъ* женщинъ, образцомъ царицъ московскихъ XVII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, скромная, тихая, весьма набожная, она обывкала съ теремнымъ заточеніемъ; она нянчилась съ малютками, читаетъ церковныя книги, бесѣдуетъ съ толпой служанокъ, боярынь и боярышень, затѣмъ сѣтуетъ и печалится на вѣтренность мужа. Жгучей, страстной, порывистой натурѣ Петра была нужна не такая женщина, — ему нужна была не безмолвная, вельми цѣломудренная царица, одна изъ тѣхъ царицъ, къ которымъ, по словамъ Котошихина, не допускали иноземныхъ пословъ, изъ боязни, что государыня царица не сказала бы какой-нибудь глупости, «и отъ того пришло бы самому царю въ стыдъ» (1)...

(1) Московскаго государства, говоритъ Котошихинъ, женской полъ грамотъ неученые, и не обычайтому есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отго-

Она тлупатъ говаривалъ Петръ о первой супругѣ ⁽¹⁾, следовательно онъ прямо считалъ ее такой царицей, «отъ которой пришло къ ему въ стыдъ»; и такъ — ему нужна была женщина, взросшая не въ русскихъ понятіяхъ. Ему нужна была такая подруга, которая бы умѣла не плакаться, не жаловаться, а звонкимъ смѣхомъ, нѣжной лаской, шутливымъ словомъ кстати отогнать отъ него черную думу, смягчить гнѣвъ, разогнать досаду; такая, которая бы не только не чуждалась его пирушекъ, но сама бы страстно ихъ любила; плясала бы до упаду, ловко и бойко осушала бы бокалы. Статная, видная, ленивая, крѣпкая мышцами, высоко-трудою, съ страстными огненными глазами, находчивая, вѣчно веселая словомъ женщина не только по характеру, но даже и въ физическомъ отношеніи не сходная съ царицей Авдотьей, — вотъ что было идеаломъ Петра: его подруга должна была умѣть утѣшить его и пляской и красивымъ иноземнымъ нарядомъ, и любезной ему, нѣмецкой или голландской рѣчью съ какимъ-нибудь посломъ ли иноземнымъ, съ купцомъ ли заморскимъ или иноземцемъ-ремесленникомъ... Понятно, что такая женщина не могла встрѣтиться Петру въ семействахъ бояръ; въ концѣ XVII столѣтія, въ Россіи онъ ее могъ только найти въ нѣмецкой слободѣ... Анна Моисея, какъ ему показалось, подошла къ его идеалу, она-то и сдѣлалась послѣднимъ поводомъ къ заточенью царицы ⁽²⁾. И мы убѣждены, вопреки г. Устрялову, что ни какихъ *болѣе важныхъ побужденій*, кромѣ названныхъ нами, не было со стороны Петра; но и ихъ было достаточно для Петра и — онъ отринувъ отъ своего ложа жену, даровавшую ему наследника престола.

Какъ бы то ни было, но фактъ, къ великому соблазну народа, совершился: царь развелся съ женой, — и затѣмъ съ необыкновенной энергіей началъ «гасить огонь мятежный». — Кремлевскія стѣны покрываются трупами; московскія площади обливаются кровью стрѣльцовъ, возставшихъ противъ «иноземческаго» царя, противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній; почти всѣ стрѣльцы героями

воры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ — и потому мочно дознатца, отъ чего къ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ: такъ же какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видають мало. И толкъ царь въ то время учинилъ такъ, что... посломъ велѣлъ бы быти у царицы своей на посолствѣ, а она къ выслушавъ посолства, собою отвѣту не учинила къ никакого, и отъ того пришло къ самому царю въ стыдъ. *Котошихинъ*. стр. 46.

(1) *Нартовъ* въ Москвит. 1842 г. № 11 стр. 140.

(2) Тоже думаетъ *Щербатовъ* въ соч. «О попрежд. нравовъ» стр. 29.

умирають за старую Русь, погребаемую Петромъ; не даромъ же и доселѣ народъ поетъ про стрѣлецкіе казни:

Изъ Кремля, Кремля вѣрка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади,
Пролегала тутъ широкая дорожка;
Что по той по широкой, по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большого боярина,
Что большого боярина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ — не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей — озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ;
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ;
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдають, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговаривають:
«Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ».
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямятствуетъ;
Отца, матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣлахъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

Въ продолженіи одного октября мѣсяца, въ разные дни, восемь длиннѣйшихъ процесій стрѣльцовъ протянулись по улицамъ столицы: ихъ везли и вели на кровавое побоище; Москва приобыкалась къ подобнымъ картинамъ:

Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, — повѣсить;
Его бѣлы руки и ноги скованы,

По правую руку идетъ страшень палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная...

Но не легки еще были подобныя картины для русскаго народа, не легко было в самому виновнику страшныхъ зрѣлищъ — царю Петру Алексѣевичу: «отъ мысли о бунтовавшихъ стрѣльцахъ, говаривалъ онъ въ это время, гирь отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помысля о томъ, заснуть не могу. Такова сія кровожаждущая саранча!» (1)

По свидѣльству одного изъ близкихъ къ нему людей, Петра дергали тогда по ночамъ такія конвульсіи во всемъ тѣлѣ, что онъ клалъ съ собой въ постель одного изъ деньщиковъ и только держась за его плечи, могъ заснуть; судорожное подергиванье головы, шеи и личныхъ мускуловъ въ Петрѣ усилились со времени избіенія стрѣльцовъ (2). «Юный фаворитъ» былъ съ нимъ неразлученъ; Петръ сильно привязался къ нему; онъ видѣлъ въ Алексашкѣ будущаго надежнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ слугъ, ничѣмъ не связаннаго съ ненавистной для него старинной; въ Меньшиковѣ для Петра выросло поколѣніе его ставленниковъ, его птенцовъ...

— Къ Алексашкѣ Меньшикову, говорилъ между прочимъ московскій гость Романовъ одному изъ своихъ знакомыхъ, государева милость такова, что никому таковой нѣтъ.

— Што-жъ, отвѣчалъ знакомый, молитва о томъ Алексашки къ Богу, что государь къ нему милостивъ.

— Тутъ Бога и небыло; чортъ его съ нимъ снесъ
. что вольно ему, что чорту въ своемъ озерѣ возиться, желаетъ, что хочетъ (3)...

Въ то время, какъ Петръ скасовываетъ стрѣльцовъ, а въ народѣ бродятъ истолкованія чувствъ и симпатій Петра, обратимся къ той, въ обществѣ которой отдыхалъ Петръ въ это полное крови и ужаса время. Постараемся прослѣдить съ какого времени и при какихъ обстоятельствахъ возникло расположеніе Петра къ Аннѣ Монсъ, какова была эта женщина, окончательно остудившая его къ царицѣ, и ускорившая рѣшеніемъ ея горькой участи; что это за женщина которой, по свидѣтельству иноземцевъ, отдавъ сердце, Петръ не-

(1) Нартовъ. «Москвитян.» 1842 г.

(2) Нартовъ «Москвитян.» 1842 г. № 4 стр. 466—467.

(3) Изъ дѣлъ преображ. приказа: дѣло гостя Романова, по извѣту тяглица Золотаря. 30 августа 1698 г. Розыскъ тянулся годъ; богатый гость послалъ Александру Меньшикову боченокъ съ 1000 рублями, царь замѣтилъ посланнаго и деньги отправлены въ преображенскій приказъ. Алексашкѣ однако удалось удержать у себя 200 рублей; но заступничество его опоздало: Романовъ умеръ въ тюрьмѣ. Будущій птенецъ Петра съ юныхъ лѣтъ обыкался принимать взятки.

премѣнно раздѣлилъ бы съ ней и корону всея Россіи (1), еслибы только на его любовь красавица отвѣтила такую же страстью? Нечего и говорить, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Анна Ивановна выступаетъ изъ ряда дюжинныхъ любовницъ великихъ персонъ и заслуживаетъ нѣсколькихъ страничекъ въ очеркахъ частной жизни Петра-великаго.

На правомъ берегу Яузы, изстари, еще со временъ Ивана Грознаго особою слободою поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй; нѣмецкая слобода была какбы особый городокъ, рѣзко выдѣлявшійся, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по образу жизни своихъ обитателей. Разоренный и уничтоженный «въ нужное и прискорбное время» т. е. вначалѣ XVII вѣка «Кукуй-городокъ» (2) снова возникъ при царѣ Алексѣѣ (3).

Шотландцы, голландцы, англичане, французы и другіе иноземцы, доселѣ раскинутые по всей Москвѣ, водворены были теперь въ Новоиноземческой слободѣ. Отведенные поля нее пустыря быстро покрылись прекрасными домиками, огородами и садами; надъ слободой возвысились иноземскія кирки и жизнь совершенно особая потекла на Кукуй. Тутъ были люди всѣхъ націй, разныхъ вѣроисповѣданій, языковъ, «художествъ и ремеслъ». Подлѣ дома генерала подымалось жилище и нѣмецкаго гостя; близъ доктора жилъ какой-нибудь виноторговецъ, даже золотыхъ дѣлъ мастеръ, плотникъ и другіе ремесленники; генералы и полковники иноземцы большею частью жили въ слободѣ; изъ негоціантовъ здѣсь были замѣтнѣе другихъ дома Кельдермана «московскаго государства повѣреннаго и чести достойнаго» Даніэля Гартмана, Яна Любса, золотыхъ дѣлъ мастера Монса и др. Тутъ-же жили семейства покойныхъ служилыхъ иноземцевъ, какъ напр. генерала Гамильтона и другихъ (4). Несмотря на сословныя отличія и разность занятій, иноземцы, говоря вообще, жили не замкнуто въ своихъ семьяхъ, или въ небольшихъ кружкахъ. Жизнь общественная при первыхъ благопріятныхъ для иноземцевъ обстоятельствахъ получила въ Кукуй-городкѣ широкое развитіе, особенно тогда, когда московское правительство въ лицѣ Петра, стало имъ покровительствовать.

(1) *Helbig Russische Günstlinge*, стр. 110—112.

(2) Такъ прозывалась слобода отъ близъ протекавшаго ручья Кукуя.

(3) П. с. з. т. I № 85.

(4) О Гамильтонѣ въ статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ». *Отеч. Зап.* 1860 г. № IX.

Почти всѣхъ хорошенькихъ дамъ и дѣвицъ, — а красавицами изобиловала слобода, — можно было встрѣтить на любой вечернякѣ у какого-нибудь негоціанта. Вечернія сходки были непрерывны; на нихъ обыкновенно старики и важные иноземцы собирались въ отдѣльномъ повоѣ, дымили трубками, да осушали стаканы, а молодежь безъ устали танцовала въ сосѣднихъ покояхъ; тутъ были и безконечный польскій, и грось-фатеръ, и какой-то танецъ съ подѣлуями; пляски — зачастую начатыя въ 5 часовъ пополудни — оканчивались въ 2 часамъ утра; устали и церемоній не знали; простота и свобода доходила до грубости; ссоры, драки между подгулявшими кукуйцами были ежедневно... Тѣмъ не менѣе, люди пріѣзжіе невольно дивились тому, какъ весело проводили время жители иноземческой слободы; не проходило почти ни одного вечера, чтобъ они не сходились другъ къ другу съ женами, дочерьми, племянницами... Въ то время, когда русская боярыня или боярышня отвѣшивала поклоны за торжественными обѣдами московской знати, либо церемонно лобызалась съ почетными гостями, по волѣ хозяина дома, въ то время, когда отъ этихъ теремныхъ красавицъ трудно было добиться другихъ отвѣтовъ кромѣ «да», «нѣтъ», «не знаю», въ это время на другомъ берегу Яузы, въ семействахъ и общихъ собраніяхъ иноземцевъ царила относительная свобода, веселье и простота. Мудрено ли послѣ этого, что пылкій Петръ, никакъ немогши примириться съ обрядностью и торжественностью русскаго быта тогдашнихъ бояръ, всей душой полюбилъ частную и общественную жизнь иноземцевъ.

Мы не станемъ, вслѣдъ за г. Устряловымъ, увѣрять, что молодого монарха съ первыхъ же годовъ тянула на Кукуй городокъ жажда получить отъ иноземцевъ «образование для себя и для своего народа»; кто знаетъ молодость Петра (а г. Устрялову она известна лучше чѣмъ кому-нибудь другому), тотъ хорошо знаетъ и то, что государь, по крайней мѣрѣ въ первое время, ласково протянулъ руку чужеземнымъ пришельцамъ вовсе не съ такою высокою цѣлью, а просто ради веселаго и пріятнаго препровожденія времени. Но дѣйствительно эти веселыя пирушки на Кукуѣ сдѣлались школою для Петра, и притомъ такой школой, изъ которой вынесенное далеко и далеко не все было доброе; здѣсь то Петръ, по выраженію народа, излишне «почалъ вѣровати въ нѣмцевъ», не даромъ же народъ съ такой ненавистью и озлобленіемъ относился къ кукуйцамъ ⁽¹⁾.

Впрочемъ Петръ мало интересовался симпатіей или антипатіей

⁽¹⁾ *Адолунгъ* о Мейербергѣ изд. 1827 г. стр. 207—209; *Олеарій*, *Берггольцъ*, *А. Гордонъ*, *Устряловъ* и др.

народа; нѣмецкая слобода довольно рано сдѣлалась для него отраднѣйшимъ уголкомъ въ Москвѣ; здѣсь онъ задолго еще до заграничной поѣздки переходилъ отъ одной потѣхи къ другой, здѣсь слагались у него планы смѣлыхъ походовъ его на берега Чернаго моря ⁽¹⁾, здѣсь за чарами пива и водки выслушивалъ онъ длинныя, и, безъ сомнѣнiя, хвастливые рассказы ивоземцевъ о красотахъ заморской жизни; здѣсь наконецъ Петръ вкусилъ радости любви...

Иоаннъ Монсъ, уроженецъ города Миндена, что на Везерѣ ⁽²⁾ по извѣстiямъ Корба ⁽³⁾, былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; по словамъ другихъ писателей, между прочимъ Гварiента, Монсъ былъ инноторговецъ. Быть-можетъ оба ремесла служили средствомъ существованiя этого семейства. Оно прибыло въ Россiю во второй половинѣ XVII столѣтiя; Монсъ прiѣхалъ изъ города Миндена съ двумя атестатами отъ городскихъ властей о его способностяхъ и ученiя, съ женой, весьма заботливой хозяйкой и съ нѣсколькими дѣтьми. Рассказы и письма кукуйцевъ, прежнихъ выходцевъ изъ заграницы, родственныя связи и наконецъ, что самое важное, надежды на обогащенiе привлекли Монса въ отдаленную Московiю. Въ грамотахъ, привезенныхъ имъ съ собой, сказано было, что Иоаннъ въ имперскомъ вольномъ городѣ Вормсѣ два года обучался съ большимъ успѣхомъ «бочарному мастерству» ⁽⁴⁾; безъ сомнѣ-

⁽¹⁾ «По указу государеву» нынѣ (въ 1697 году) намъ гостямъ, говорили недовольные купцы, указано устроить корабли на Воронежъ; а чортъ ли его государя несетъ подъ Царь-городъ, жаль силы что пропадетъ, а онъ государь хоть бы и пропалъ мало горя! (Дѣл. преобр. приказа 1698 г.) Подобные толки показываютъ, какъ неохотно принималъ народъ даже тѣ повѣленiя нелюбезнаго ему государя, которыя явно клонились къ пользѣ и величiю Россiи.

⁽²⁾ *Helbig* Russische «Günstlinge» говорятъ, что *Mons de la Croix* былъ родомъ изъ Францiи, сынъ содержателя таверны (Weinschenke), отецъ его поселился сначала въ Ригѣ, а оттуда перешолъ въ Москву. По словамъ другихъ Монсъ былъ по происхожденiю фламандецъ. Нужно однако замѣтить, что прибавленiе къ его фамилии de la Croix встрѣчается гораздо позже и только въ письмахъ, относившихся къ его второму сыну, знаменитому Виллиму Ивановичу.

⁽³⁾ *Diarium itineris in Moscoviam. Viennæ. 1700* стр. 106. Въ своемъ дневникѣ 1698 и 1699 годовъ. Корбъ часто упоминаетъ о *domicella Mons*.

⁽⁴⁾ Двѣ грамоты, привезенныя Монсомъ были: а) свидѣтельство отъ бургомистра и совѣта гражданъ Миндена въ томъ, «что почтенный и уважаемый Иоаннъ Георгiй Монстъ, законнорожденный сынъ бывшаго оберъ-вахмистра кавалерiи Тилемана Монста и Маргариты Монстъ, урожден. Роббенъ, можетъ быть принятъ во всѣ цехи, гильдii, общества и колегiи; въ чемъ и выдано ему Иоанну-Георгу Монсту это метрическое свидѣтельство. Городъ Минденъ, 7-го августа, 1657 года. Второй документъ выданъ Монсту: б) отъ Ганса Леонгардта-Бендта, гражданина имперск. воли. города Вормса, мастера изъ бочарнаго цеха. Бендтъ выданною изъ цеха грамотою свидѣтельствовалъ, что «Иоаннъ-Георгiй Мунстъ изъ Миндена, сынъ Тильмана Мунста», бывшаго вахмистра короля шведскаго,